

Константин Веснин
18+

Незабываемое лето,
или
женитьба полковника

чтение на отдыхе

Константин Веснин

**Незабываемое лето, или
Женитьба полковника**

«Издательские решения»

Веснин К.

Незабываемое лето, или Женитьба полковника / К. Веснин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900780-3

Частный пансионат, затерянный в живописном уголке Уральских гор, на берегу тихого озера... Обеспеченный одинокий мужчина встречает девушку значительно моложе себя... Произошедшее в пансионате загадочное преступление погружает следователя в прошлое, ставит перед выбором: долг или честь женщины, позволяет вернуть казалось бы навсегда потерянную любовь...

ISBN 978-5-44-900780-3

© Веснин К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Незабываемое лето, или Женитьба полковника

Константин Веснин

*Валентине Викторовне, без которой не было бы этой книги
с уважением и любовью.*

*«Все суета! – Екклесиаст твердит,
А с ним и все новейшие пророки.
Святой, мудрец, наставник и пиит
Изобличают страсти и пороки;
Любой найти примеры норovit
Того, что все мы низки и жестоки;
Зачем же мне велите вы молчать?
И низости людской не замечать?»*

*Джордж Байрон
«Дон-Жуан»*

*«Нет больше несчастья,
Чем незнание границы
Своей страсти...»*

Лао-Цзы

© Константин Веснин, 2018

ISBN 978-5-4490-0780-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Эта история могла произойти в любом месте нашей необъятной России, но случилась она на Урале, а именно – в затерянном среди гор заповедном уголке Южного Урала.

Жаркое лето медленно перевалило за свою макушку. Наступил август, природа отдыхала, предаваясь томной неге, травы и цветы радовали глаз своим пестрым безбрежным ковром; на лесных полянках, открытых солнечным лучам, малиновыми и фиолетовыми бусинками выглядывали ягоды; словно старые гномы сидели в тени деревьев грибы, надев на себя причудливые конусообразные шляпы. Птичье разноголосье поубавило свое веселье, зато стрекот кузнечиков по вечерам перерастал в сплошной неумолчный шум. Казалось, ход времени остановил свой бег, позволив наконец-то суетливому миру наслаждаться теплом и покоем.

Посреди леса давным-давно расположилось на отдых озеро. Его окружали лесистые берега, покрытые ковром сосен с редкими вкраплениями берез, а в отдалении, окутанные голубоватой дымкой, возвышались вершины Уральских гор. Озеро имело свое имя – Лесное. Казалось, что тихий плеск его волн ведет с прибрежным лесом вечную непрерывающуюся беседу. О чем эта беседа, никто не сможет ответить. Иногда легкая жалость или печаль проскальзывает в ней, а порой радостное веселье можно услышать в задорном плеске волн. Озеро довольно своим маленьким уютным мирком. Ему вольготно плескаться на каменистых бережках, играть с легким теплым ветром, встречать солнце по утрам и провожать его по вечерам. Днем барашки проплывающих облаков любят свои кудрями в его зеркальной поверхности. А по ночам мириады звезд баюкают его и рассказывают добрую сказку.

Много тысячелетий люди приходили к озеру, неся ему свои радости и беды. Все они негласно беседовали с озером или задумчиво слушали музыку волн. Они не понимали ее слов, просто мелодия гармонии, без прошлого, без будущего, живое дыхание настоящего успокаивали людей, дарили им радость и надежду.

Часть 1

Постепенно на берегах озера стали появляться места отдыха в виде небольших баз, пансионатов и дач. И в одно из таких мест ехал утром по лесной дороге автомобиль. Если в девятнадцатом веке породистый конь считался признаком определенного статуса его владельца, то в наше время коня заменила машина. Недешевая модель заграничного производства комфортно разместила в салоне высокого мужчину полноватого телосложения. Можно было не ошибиться, предположив, что ему слегка перевалило за сорок пять. Остатки некогда курчавых волос цвета воронова крыла прикрывали блестящую лысину. Крупные черты лица не отличались правильностью и могли ранить чувствительную человеческую натуру некоторым оттенком безобразия, но это безобразие было привлекательным. В глазах играла лукавая добродушная улыбка, когда он беззаботно взирал на проносящиеся мимо лесные массивы, тесно обступившие дорогу и островерхие каменные выступы, мелькавшие среди деревьев. В голове с утра навязчиво крутился опереточный мотивчик о «сердце красавицы, склонном к измене и перемене как ветер мая».

Он недавно вышел в отставку, завершив военную карьеру в чине полковника, руководившего отделом мониторинга и контроля пожаротушения. Коллеги-пожарники на его счет частенько посмеивались и отпускали шуточки: «Всю жизнь он ждал пожара, а когда пожар начинался, ждал, когда его потушат». Про него можно смело было сказать: он все делал помаленьку. Помаленьку угождал, боялся, работал, отдыхал, любил. Последний пункт был спорным: на матримониальном фронте он три раза позволил связать себя узами Гименея, не считая гражданских союзов. На это могут возразить, что у него такая мужская конституция. Тут спорить трудно, но вот уже шесть лет как он был разведен, и привычки одинокого жития, казалось, прочно вошли в его размеренную жизнь. Но такое положение вещей не устраивало его, в силу неумолимого влечения к молоденьким женщинам. Рассудок пытался повлиять на чувства, но обуздать страсть, возникающую при виде стройных, соблазнительных, молодых красоток, не мог. У молодых женщин при знакомстве с ним возникал закономерный для данной ситуации вопрос о величине его материального достатка. Поэтому его мимолетные романы ограничивались непродолжительной связью. Он мечтал подвести под венец какую-нибудь провинциальную, возможно еще не определившуюся в суровом жизненном климате девушку. Между тем, годы все увеличивали свой бег. И на этой почве у него стали пошаливать нервы. Появились комплексы и кризисы так называемого среднего возраста, когда желаемое, казалось, безвозвратно теряется в туманной дали молодости.

Выйдя в отставку и, поселившись в небольшом городке на Среднем Урале, он не потерялся среди оказавшихся не у дел ранних пенсионеров. Что-то удачно перепродал и пустив деньги в оборот, он приобрел небольшой магазинчик, дававший возможность, живя без завышенных претензий, не бедствовать. Уютный коттедж с банькой и участком, облагороженный ландшафтным дизайном, позволял ему отдыхать от праведной службы на благо Отечества.

Его страстью, кроме женщин, были путешествия. Заранее выбирая новый маршрут, он изучал по карте географические и природные особенности места, затем бронировал номер, обязательно оставляя напоследок, казалось бы, небольшой, но имеющий для него решающее значение вопрос.

Этим летом его выбор пал на затерянный в лесу уголок Уральских гор – небольшое озеро с красивым названием Лесное и расположенный на его берегу пансионат «Мшистые камни». Окончательно договариваясь с администратором о сроках заезда, он с некоторым волнением и надеждой стал подводить беседу к прояснению важного для него момента:

– Алевтина Николаевна, я бы хотел уточнить насчет соседей. Видите ли, я несколько привередлив в вопросах совместного проживания с людьми в соседних номерах. Не подскажете, кто будет отдыхать во второй половине июля?

– Пожалуйста, напомните ваше имя и отчество...

– Вирсавий Легонтович (а именно так необычно именовался наш герой).

– Подождите минутку, Вирсавий Легонтович, я уточню свои записи... итак... до конца июля соседний с вами номер занят женщиной с ребенком. Еще один номер занимает также до конца июля пожилая супружеская пара...

– А... женщина с ребенком молодого возраста? Я почему спрашиваю, возможно, это – молодая мама и ребенок маленький, будет шуметь...

– Нет, женщина преклонного возраста с внуком.

Возникла пауза в диалоге. Вирсавий Легонтович анализировал полученную информацию.

– А с начала августа кто у вас планирует отдыхать?

– Так, сейчас посмотрим... со второго августа заезжает молодая женщина в один номер. Это наша постоянная гостья. С третьего августа еще одна молодая дама, также постоянная персона...

Сладостная музыка зазвучала в ушах Вирсавия Легонтовича. Мечтать о большем ему не хотелось.

– Тогда забронируйте за мной номер с первого августа.

– На какой срок?

– А я на месте определюсь. Ориентировочно, недели на две-три...

Вскоре на повороте появился указатель с направлением на озеро Лесное и названиями баз отдыха, среди которых значился пансионат «Мшистые камни».

В течение последней недели стояла жаркая погода. Редкое маленькое облачко приукрашивало яркую голубизну неба. Время было утреннее, но палящий зной, особенно на открытых солнечных местах, уже давал о себе знать. Хотелось затеряться в лесной глуши, где ночная прохлада еще сохраняет свою благодать.

Мысли Вирсавия Легонтовича опять закрутились вокруг созданного образа таинственной молоденькой незнакомки. Легкая грусть оведала его сердце. Он помотал головой, неопределенно взмахнул рукой и стал высказываться вслух, что случалось с ним довольно часто:

– Интересно, какими окажутся мои соседки? Поди... секунд хэнд... из третьесортных старых дев! Таких пруд-пруди на всех базах отдыха. Ходят, раскрашенные как пугала, и думают, что кого-то могут этим привлечь!

И он, презрительно хмыкнув, некоторое время ехал молча. Затем в памяти всплыли строчки из недавно прочитанного: «А мне б красавицу без всякого изъяна... все прелести приуси были б ей... как сладость – розе, горечь – океану».

И, причмокнув губами, он простонал, то ли от удовольствия, то ли от нереализованных грез. Но где-то в отдаленных уголках сознания присутствовало ощущение убегающего вдаль времени.

...Ты стар, твой поезд давно уже скрылся в тумане...

Задумавшись, он обнаружил, что его машина оказалась перед воротами, преграждающими въезд на территорию пансионата «Мшистые камни». Прямо за воротами, слева, расположился деревянный вагончик, выкрашенный голубой краской и смотрящий на мир единственным окном. Посигналив пару раз, подождав, затем опять посигналив и опять подождав, Вирсавий Легонтович уже собирался набрать номер телефона администратора, указанный в рекламном проспекте, когда дверь вагончика медленно отворилась, и оттуда выпрыгнул большой серый кот. Вирсавий Легонтович почему-то сразу подумал, что это был кот, а не кошка,

возможно, его подтолкнул к этому выводу немалый размер представителя рода кошачьих. Это действительно был серый длинный кот с характерным полосатым окрасом спины. Звался он Василием и проживал в вагончике, из которого теперь стремительными прыжками убегал в близлежащие кусты.

Вслед за исчезнувшим котом дверь выпустила на волю вторую персону – мужика неопределенного возраста, скорее ближе к шестидесяти, с хмурым небритым лицом, самым заметным объектом на котором был распухший красновато-сизого оттенка нос. На мужике был выдавшие лучшие времена серый пиджак и спортивные штаны, меняющие свой цвет в зависимости от места нахождения их владельца – на солнечной стороне они отливали синим оттенком, а в тени – серовато-бурым. В пальцах правой руки был зажат недокуренный бычок папироски.

– Ну, че пиликаешь? – буркнул мужик, подходя к машине отставного полковника. – Че, я те птица-самолет че ли? Че лететь должен? Кто таков и куды прешь?

Вопрос привратника не обескуражил Вирсавия Легонтовича, скорее он возымел обратное действие. Отставной полковник как-то сразу почувствовал вкус бытия при виде этого простецкого мужика в таком дивном уголке Уральского леса.

...Недурно здесь встречают вновь прибывших постояльцев. Однако, недурно!..

– У меня забронирован номер с сегодняшнего дня. Не соизволите ли открыть ворота?

– Как звать-величать прикажете? – спросил привратник, исподлбья оглядывая машину вновь прибывшего пансионера. – У нас тут порядок, посторонних не пускаем!

Вирсавий Легонтович назвал себя, чем вызвал на лице привратника некоторое подобие улыбки.

– Кто-кто? Извольте обождать, нам нужно свериться со списками, – и он заковылял обратно в вагончик.

Вирсавий Легонтович не ожидал такого сервиса. В некотором роде он был мизантропом: любил отдыхать в малолюдных местах, в диких уголках природы, мирясь с некоторыми неудобствами и странностями, неизменно присущими такому отдыху. Нельзя сказать, что он обожал одиночество – это претило его натуре. Но его душа просила отдыха именно в таком затерянном уголке, и он еще не терял надежды разделить свой досуг с привлекательной и, желательно, молоденькой единомышленницей.

Прошло минут десять, пока привратник опять не появился из вагончика. Ворота открылись, и машина Вирсавия Легонтовича, проехав метров пятьдесят, остановилась перед небольшим двухэтажным зданием. В зеркале заднего вида маячил привратник, не сводивший глаз с автомобиля нового отдыхающего.

И если Вирсавий Легонтович тогда не особенно заострил свое внимание на посматривающем ему вслед страже ворот, то о Петровиче этого сказать было нельзя. При виде большой и, наверное, дорогой машины, он внутренне весь подтянулся и напряг все органы чувств, провожая ее пристальным оценивающим взглядом. Его простая жизненная философия подсказывала, что, возможно, здесь есть чем «смазать свое подзасохшее бытие».

Частный пансионат «Мишистые камни» располагался в оштукатуренном и выкрашенном в розовый цвет двухэтажном здании. На первом этаже находилось кафе, куда вела открытая дверь с занавесью из бамбуковых палочек. Перед кафе была терраса, где в тени сосен стояли две скамеечки и небольшой столик. Деревянная лестница с ажурными перилами вела от террасы на второй этаж, где находились шесть номеров для отдыхающих и комната администрации.

Вирсавий Легонтович поднялся на второй этаж – стены здесь были обшиты деревом, источавшим смолистый аромат. Первая дверь налево вела в администраторскую комнату, куда, постучавшись, и зашел отставной полковник.

В комнате за столом сидела женщина, в цвете той благородной красоты, которая отличает дам постбальзаковского возраста, умудренных жизнью и прошедших через тяжелые утраты. Ее волосы были гладко убраны, и их легкая окрашенность не скрывала седины. Образ гармо-

нично дополняли очки в изящной оправе, и все это вместе производило впечатление уверенности и надежности, что вполне соответствовало ее внутреннему душевному устройству. Годы, украсившие молодость, благосклонно одарили щедрой порцией житейской мудрости и бытовой смекалки, которые способствовали поступлению на должность администратора частного пансионата «Мшистые камни».

– Здравствуйте, вы, наверное, Алевтина Николаевна? – несколько хрипловатым голосом поздоровался вошедший. – Позвольте представиться. Вирсавий Легонтович. Забронировал у вас номер с сегодняшнего дня.

– Приятно познакомиться. Проходите, садитесь на диван. Сейчас оформим вам путевочку. Как добрались, без проблем нашли нас в лесу?

– Вы знаете, не сразу. Я поначалу свернул на Заозерск, а потом понял, что надо было проезжать прямо.

– Да, на Заозерск от нас идет своя дорога. По прямой тут километра три. Места здесь красивые, не пожалеете. Если вы будете оплачивать полный пансион, то у вас будет трехразовое питание в кафе на первом этаже.

– Да, я так и бронировал, с полным пансионом.

– Хорошо. Вот вам путевочка. Ваш номер – следующая дверь на этой стороне коридора. Окнами как вы и просили – на северо-восток, так что прохлады и тень вам обеспечены. Вы, наверное, уже познакомились с нашим сторожем, Петровичем?

– А, да, да. Имел возможность побеседовать, пока проезжал ворота. Он, похоже, слегка принимает на грудь?

– Да, и это для меня проблема. Мы взяли его сторожем, но он мужик работающий: и плотник, и по электричеству понимает. Работал бы да работал, но алкоголь сгубил. Его везде увольняли. И теперь – ни семьи, ни угла своего. Он в мае тут появился, сам искал работу, я хозяйку уговорила взять его с минимальной оплатой и питанием за счет кафе с проживанием в вагончике. Он там и обосновался. Душа добрая – прибрал бродячего кота, сам не доест, ему оставит. Кстати, он – любитель поговорить и выпить за счет отдыхающих.

– В кафе ему выпить не продают?

– Нет. Там дорого для него... Налево, за домом, небольшая стоянка для машин. Да, вот еще что, если у вас есть ценные вещи, и вы желаете подстраховаться, то можете сдать мне на хранение в сейф, – Алевтина Николаевна указала на металлический сейф, стоящий на полу в углу комнаты.

– Пожалуй, кое-что мне вряд ли понадобится каждый день. Я занесу вам попозже, – Вирсавий Легонтович прокашлялся и продолжил:

– А как тут насчет культурной программы?

– У нас в пансионате она отсутствует, а вообще, неподалеку, есть санаторий «Голубая волна». До него минут тридцать ходьбы по лесу. Там, насколько мне известно, регулярно проводятся танцевальные вечера. Вижу, вы – одинокий мужчина?

– Да, в поисках дамы сердца, – улыбнувшись, ответил Вирсавий Легонтович, сопроводив свои слова неопределенным жестом правой руки. – Как я понял, скоро планируется заезд двух молодых женщин?

– Да. И они, насколько мне известно, пока также одиноки. Так, что, батенька, не теряйте времени даром. Кстати, пойдете в кафе, обратите внимание на нашего повара Анечку. Она – большая умница, одна со всем справляется. И кормит нас – пальчики оближете!

Получив ключи от номера, Вирсавий Легонтович принес из багажника машины увесистую сумку с необходимыми для отдыха вещами. Разместившись, он решил обследовать территорию пансионата. Налево от террасы небольшая лесная тропинка уходила в сторону озера, которое призывно искрилось под солнечными лучами. По пути следования то и дело встречались валуны, покрытые причудливым фиолетово-зеленым ковром из мхов и лишайников.

На Вирсавии Легонтовиче была его любимая плотная зеленая рубаша, по фасону напоминавшая френч времен первой половины двадцатого века, плавно переходящая в широкие брюки, заканчивающиеся летними сандалиями. Ему было жарко и неудобно, потная рубаша липла к спине.

Прямо перед ним открылся небольшой песчаный пляж, переходящий в деревянный понтон, который в виде буквы «П» выдавался в озеро. Вирсавий Легонтович страдал от жары и испытывал потребность освежиться. Но пока его настораживала перспектива познакомиться со своим холеном, привыкшее к теплу тело с водой неизвестной температуры. Он неловко потоптался на берегу, даже нагнулся и поплескался водой на лицо. Вода приятно освежала...

Воздержавшись от близкого знакомства с озером, он вернулся на тропинку и пошел обратно. Тропинка разветвлялась на маленькие тропки, уводящие в разные стороны, и отставной полковник решил обследовать их. Территория пансионата была небольшой, и ее обзор занял у него не более получаса времени.

Между тем приблизилось время обеда. Вирсавий Легонтович завернул в кафе, и глаза его забегали в поисках Анечки. В зале располагались четыре деревянных столика и стойка для приема-выдачи заказов. На стенах висели картины, выполненные акварелью с изображением пейзажей. Поймав повара Анечку своим ищущим взглядом, отставной полковник уныло вздохнул и сел за стол. Что касается Анечки, то в ее планы не входило молчаливое обслуживание такого солидного пансионера. Она не упустила возможности обсудить с Вирсавием Легонтовичем вопросы аренды кафе, сложности общения с санэпидстанцией и пожарной охраной. При обсуждении последней темы Вирсавий Легонтович несколько оживился и высказал небольшой интерес к работе своих бывших коллег-пожарных, но не более того.

После сытного обеда Вирсавий Легонтович вернулся в свой номер, почитал привезенные газеты, поспал, затем опять спустился в кафе и внимательно осмотрел выставку бутылок на стойке бара. Выбор был небольшой, а цены заметно выше городских аналогов, но это не служило препятствием для одинокого холостяка. Он заказал одну рюмку коньяка, затем другую. Нега и лень постепенно овладели отставным полковником. Мысли заволклись туманом и бесцельно проплывали мимо.

...Какая глушь... некий первозданный рай... только не хватает какой-нибудь хорошенькой дикарки...

Мечтательное состояние души погрузило его в сладкую дремоту.

Вдруг он почувствовал, как кто-то мягко трется о его ноги. Гортанное урчание сопровождало эти движения. Опустив глаза, он увидел уже знакомого ему крупного серого кота, а за своей спиной услышал осторожное покашливание и хриплый голос:

– Служба службой, а ужин – по расписанию, – и басистый смех Петровича прогнал прочь грезы отставного полковника.

Получив свою порцию, Петрович подошел к столику Вирсавия Легонтовича.

– Можно? – и он жадно кинул взгляд на недопитую рюмку коньяка. – За чей пьем, за ваших, али за Советскую власть? – спросил Петрович, обдав отставного полковника запахом дешевого табака.

– Тебе нельзя, тебе Родина доверила ответственный пост и ты не должен уронить оказанного доверия, – попробовал возразить Вирсавий Легонтович, но безуспешно. Петрович в ответ только усилил свой натиск:

– Я свое оттрубил перед Родиной, а шас мне положен пансион. Все наше государство пора на пансион садить. До пенсии я ишо не дожил, да жил-был и ладно... Иной раз молодая бабенка идет навстречу, дай думаешь, шас глянет на тебя, Петрович, ан нет, проходит, даже глазом не поведет, потому как стар ты стал. Она, бабенка эта, поди думает, что ты уже свое пожил нанежил нас, женщин. А я вот не успел увидеть ее – жисть то! Не пожил как хотел, а теперь кудыж ты! Нюшка, налей и мне рюмашку!

– Сначала заплати, потом проси. Ты уже в долг на половину месяца получил рюмашек, – отозвалась Анечка.

– Эх, бабы, бабы... Не понять вам широкую душу мужика. Вишь, человек какой приехал, ты войди в положение...

– Да войдешь с тобой в положение. Жди да радуйся, – и Анечка рассмеялась над своей шуткой.

– Ну, вот че ей скажешь? Баба есть баба. Да, жисть пошла, все с ног на голову... А все потому, что душу свою мы замарали. Щас ведь не докричишься до людей, не достучишься, где русская душа? Где помощь друг другу? А-а... – Петрович махнул рукой и хмуро склонился над столом.

Несколько минут они ели молча, затем Петрович продолжил свои философские рассуждения:

– Вся жисть теперь идет не так, все ведь с ног на голову перевернуто. Вон в деревнях-то куды ни глянь – все молодые пьют, а работать за них старики должны. А скоко беспризорных бегают, потому что бабы неустроены, нечего самим пожрать и дитя покормить. Все потому что души-то нет, потеряли мы душу, все токо о теле своем думают! Я вот прихожу сюды, посмотрю на прилавок: то бы взял, это... а денег нема. Спасибо, хоть жратва за счет пансиона, да на сигареты хватает...

Петрович угрюмо тыкал вилкой в тарелку. Вирсавий Легонтович почувствовал желание покинуть кафе, что и решил незамедлительно осуществить, но Петрович чутко отслеживал ситуацию и, оценив, что настал «критический момент», обратился к отставному полковнику.

– Слушай, давай за встречу. Возьми мне одну, я потом тебе отдам.

Кот подкрепил просьбу Петровича громким мяуканьем и отчаянным трением о ноги Вирсавия Легонтовича.

– Вон и скотинка просит, не дай говорит засохнуть хозяину. Скотинка и та понимает. Она, ежели ты к ней с душой, так она чувствует...

То ли «скотинка» сыграла свою роль, то ли Вирсавий Легонтович пожалел «засыхающего хозяина», но, в итоге, он заказал еще пару рюмок коньяка, поймав при этом укориженный взгляд Анечки.

– Вот это – дело. Ты – настоящий мужик. За тебя и за твои дела Петрович всегда пьет до дна! Чтоб те отдохнуть как надо!

– Да, хотелось бы...

– Во-во и я про то... чтоб те хотелось и могло! Ведь бабы-то че нынче пошли? На ину глядишь – срам срамом. Я одним днем исправлять понтон должен был. Пришел, гляжу, а там девка, тудить ее в качель, почти голая лежит. Вот не поверишь, из одежды на ней – ну одни тонкие ниточки, чтобы срам прикрыть и сиськи спрятать...

– Это купальники сейчас такие модные у женщин, бикини называются, – Вирсавий Легонтович сразу воспрянул, у него появился интерес в глазах. – А когда эта девица отдыхала?

– Срамота это называется. Я жисть прожил, знаю че говорю... Да в начале июля она была. Ну, я ей возьми да скажи: «Ты б, девка, не замерзла бы, а то хоть трусы бы взяла».

Петрович захрипел и зашелся смехом.

«Мне бы тогда на этот понтон...», – подумал Вирсавий Легонтович, а вслух сказал:

– А не послала тебя девица куда-нибудь... за своими трусами?

– Э-х ма, ты как будто там был! Послала... ядрена матрена!

Петрович удовлетворенно похрюкал себе в кулак, гася последние приступы смеха, вздохнул и вернул своему лицу привычное хмурое выражение:

– Бездушно люди живут, бездушно, а ведь задыхаются сами в бездушие своем, ведь не видят ничего вокруг себя. Я че пью-то, может, штоб уйти от бездушья-то энтова, ведь мы

как мертвые, как роботы живем... Вот скотинка, она и та душу чувствует. Кабы с ней по доброму и она всем добром к тебе. Я знаю же гутарю, да, Василий?

Петрович приласкал кота, почесав его за ушами, тот в ответ громко замурлыкал и потерся мордочкой о его руку. Анечка принесла маленькую миску, из которой кот начал жадно выбирать кусочки мяса, отодвигая носом в сторону макароны.

– Эт, бродяга, как наворачивает мясо-то! Ты бы и макароны тоже шамкал! – Петрович потрепал кота за шею. Кот недовольно заурчал и более основательно сосредоточился на своей порции.

– Прибился блудный. Я его подкармливать начал, дык он поначалу бегал по всему берегу, пожрать токо прибежал, а щас от меня почти не отходит... у-у, бродяга, – Петрович взял Васю за загривок, потрепал его из стороны в сторону. Кот недовольно отряхнулся и, немного отойдя, стал старательно приводить себя в порядок.

Покончив с ужином, Петрович бросил еще один вопросительный взгляд на Вирсавия Легонтовича, но не успел подкрепить его словами, так как в дверях кафе появилась Алевтина Николаевна:

– Ах, вот вы где. Вижу, хорошо сидите. Петрович, мне нужна твоя помощь. В пятом номере окно совсем разболтано, а скоро заезд. Надо срочно сделать. Я – за тобой.

Петрович грустно посмотрел на отставного полковника.

– Вот, че я тебе и гутарил – бабы есть бабы. Им нас не понять. Пошли Васю.

Он лениво поднялся и направился к выходу. Кот Васю, выставив хвост трубой, то и дело норовил попасть ему под ноги, как бы упрашивая хозяина еще немного посидеть в кафе.

День незаметно уступал место вечеру. Кондиционер скрадывал жару, и выходить наружу Вирсавию Легонтовичу не хотелось. Но Анечка, уже давно с нетерпением поглядывающая на него, попросила покинуть кафе, так как ее рабочая смена закончилась.

...Да, сервис оставляет желать лучшего...

Вирсавий Легонтович посмотрел на часы.

...Кафе закрывается, хотя, еще нет и восьми часов. И где можно посидеть с дамой, если не здесь?..

Он поднялся, лениво потянулся и очутился в душной атмосфере летнего вечера.

Вирсавий Легонтович сидел на открытой террасе пансионата и, словно холеный персидский кот, лениво нежился в тени. Августовское солнце медленно закатывалось за верхушки деревьев. Со стороны террасы открывался вид на проглядывающее между шершавых стволов сосен озеро Лесное, которое спящими зайчиками манило к себе.

На веранде второго этажа появилась Алевтина Николаевна.

– Нежитесь в тенечке? Не ходили, не купались еще?

– Нет. Осваиваюсь с обстановкой, привыкаю к вашему Южно-Уральскому климату.

– Когда вы уезжали из дома, у вас не было такой жары?

– Нет. У нас – Средний Урал, почти шестьсот километров севернее. Сейчас там относительно прохладно и дожди... Вы давно здесь работаете? – спросил Вирсавий Легонтович.

– Ох, батенька. Тридцать годков я уже в этих краях. Начинала работу на других базах отдыха. А последние десять лет – здесь, администратор. Тяжело стало в последнее время. Отдыхающие всякие попадаются. Кто и выпить любит, и побуянить. Надо успокаивать.

– А охранника у вас нет?

– Нет. Платят мало, мужики не идут. Сторожа, как правило, не задерживаются более одного сезона, и мне приходится заниматься поисками нового кандидата. А Петрович сам себя предложил. Когда пансионат готовили к открытию, проводили косметический ремонт, он и появился.

– А зимой он где будет жить?

– У него сестра где-то в деревушке, неподалеку. Он зимы там проводит, вернее промучивается. Она ему пить не позволяет, денег не дает, только кормит. Вот он, как только лето приближается, собирает свои нехитрые пожитки и вперед по горам и весям с песней. Руки золотые кормят...

Со стороны озера подул легкий свежий ветерок. Оранжевый свет от заходящего солнца теперь был виден только на самых верхушках сосен.

– Погода-то стоит какая! Почему у вас отдыхающих нет?

– В конце июля был наплыв отдыхающих. Еще даже не хватало номеров. А сейчас – начало месяца – как бы пересменка, одни уехали, другие начинают подъезжать... Откровенно вам скажу, тяжело одной тащить все хозяйство. Думаешь, ну все, дотяну до осени и хватит. Поеду в родной городок, буду доживать свой век на пенсии, – грустные нотки сквозили в голосе Алевтины Николаевны. – А как подумаю, что буду одна, совсем никому не нужна, так тоскливо на душе становится. Я же не привыкла сидеть просто так, без дела.

– А родные, дети не с вами живут?

– Мужа похоронила, а сыновья давно со своими семьями по другим городам разлетелись, как птицы по белу свету... в отпуска приезжают ненадолго, а в последнее время – все реже и реже. Денег, сами знаете, не хватает, вот и тратят все на себя. Ну, а вы, батенька, что холостуете?

– Был женат, разошелся.

– А дети есть?

– Да, есть. С женами остались...

– Не один раз были женаты?

– Не один. Я и сейчас не теряю надежды встретить девушку...

– Эх, мужики, мужики, – прервала его Алевтина Николаевна, – Все вам молоденьких подавай... А каково им-то с вами будет жить, не думаете?

– Не скрою, ищу молодую. Я ведь могу ей дать покой, уверенность в жизни. Мне и нужна такая тихая, спокойная, есть же и среди молодых такие... Не важно, сколько раз ты был женат, а важно с кем ты встретишь старость... Хочется на склоне лет и душу погладить и тело потешить...

– Понятно. Имеете право... Только как здоровье позволит? Молодая будет требовать внимания, да и денежек запросит. Справитесь?

– Ну, Алевтина Николаевна, обижаете! Моя последняя жена, Люся была почти на двадцать лет моложе меня...

Тут Алевтина Николаевна с удивлением посмотрела на отставного полковника.

– Да, да, не удивляйтесь. И, знаете, столько во мне появилось новых сил и энергии. Прямо мальчишкой себя почувствовал... Она вся была такая хрупкая, прозрачная, маленькая. Казалось, тронь ее и она упадет. И какая-то печаль, нежность, кротость были в ней... Этим она и покорила меня: своей нежизненностью, нереальностью, оторванностью от мира. Меня влекло к ней... Предвижу ваше возражение – что может быть общего при двадцатилетней разнице в возрасте? Сейчас, по прошествии времени, могу сказать откровенно – я ее жаждал, я ее хотел... Простите за откровенность, не шокировал вас своим признанием?

– Нет, батенька, – устало вздохнула Алевтина Николаевна. – Я много повидала в этой жизни. Меня уже ничем не шокируешь... Редко кто из мужчин с такой прямоотой скажет, что у него на душе. Обычно прикрываются любовью, умом, еще каким-либо достоинством своей избранницы... Но так откровенно! – она покачала головой.

– Да, у меня словно рассудок помутился. Я понимал, что со мной. Что это не любовь, а просто влечение плоти. Но... уже, как говорится, сорвался с петель, меня понесло... Я завалил ее подарками... Да, у нее ведь был друг, я бы не назвал его ухажером, а именно другом.

Они вместе учились в школе. Она поступила в институт и жила в общежитии, а он пошел на службу в полицию. Перед тем как я встретил Люсю, его как раз на несколько месяцев отправили в командировку. Но для меня наличие этого друга уже не имело значения. Я потерял аппетит, не спал ночами, ждал каждой встречи с ней... Она была такой невинной, что даже целоваться не умела.

Через месяц после знакомства я сделал ей предложение, считал дни, часы, минуты до момента, когда смог назвать ее своей женой и увезти в другой город, подальше от ее друга... Мы, вернее я, был счастлив. Первые месяцы летал в небесах...

– А она?

Вирсавий Легонтович глубоко вздохнул, достал платок и вытер пот со лба.

– Она плакала постоянно. Поздравлю с восьмым марта – плачет, с днем рождения – плачет. Извините за подробности, но даже после интима – плачет. Я сначала как мог ее утешал, думал, это – от резкой перемены в жизни, но, как оказалось, это было в ее душе, какая-то безысходная грусть, печаль и слезы... Потом уже и я стал ощущать некую безысходность, что-то сродни клетке, в которую я сам себя вовлек... прошло три года, у нас родилась дочь, и я почувствовал, что охлаждаю к ней.

– Ну, понятно, почему. Она переключила внимание на ребенка, а вы заревновали.

Вирсавий Легонтович усмехнулся.

– Да... нет. Дело не в ребенке. Просто, глядя на ее вечно грустное лицо, меня самого стала тоска глотать. Ну, кто из нормальных мужиков вытерпит рядом ходячую печаль? И это когда вокруг тебя столько жизнерадостных молодых женщин... Да что там говорить... я стал поглядывать по сторонам... Встретил другую...

– А с женой как?

– Мы развелись. Заметьте, Алевтина Николаевна, квартиру я оставил жене. С дочерью живу, правда, не очень часто, но регулярно... На день рождения всегда подарки...

Они помолчали. Сумрак окутывал лес, и вечерняя свежесть прогоняла дневной зной. Петрович вышел из вагончика и включил освещение над террасой.

– Ну, что, Петрович, как служба? – бодрым голосом окликнула сторожа Алевтина Николаевна.

– Все путем, обхожу посты.

Немного постояв около террасы, он вернулся в свой вагончик.

– Ну, и мне пора, – Алевтина Николаевна поднялась. – Вон мое пристанище, – и она указала на виднеющийся среди деревьев небольшой одноэтажный домик.

Утро следующего дня встретило отставного полковника громким голосом горничной в коридоре, которая о чем-то спорила с Алевтиной Николаевной. Он лениво потянулся, зевнул и, неторопливо поднявшись, приготовил себе чашечку кофе.

Удобно устроившись в кресле у окна, Вирсавий Легонтович решил просмотреть захваченный в дорогу журнал, но разговоры в коридоре отвлекли его. Незнакомый бодрый женский голос перекрывал негромкую речь Алевтины Николаевны. Послышались звуки шагов и стук двери номера напротив. Вирсавий Легонтович был заинтригован. Торопливо поднявшись, он приоткрыл дверь номера, но в коридоре уже никого не было.

После завтрака, когда Вирсавий Легонтович наслаждался тишиной и покоем своего номера, допивая третью по счету чашечку кофе, раздался резкий стук в дверь.

Он не успел сказать «Да» или «Войдите», как дверь распахнулась, и новая пансионерка появилась на пороге его номера. Лицо незнакомки почему-то сразу вызвало у Вирсавия Легонтовича ассоциацию с птицей. Возможно, причиной тому был клювообразной формы нос, на котором располагались очки в широкой оправе. Коротко подстриженные волосы неопределенного цвета делали ее похожей на взъерошенного и намокшего под дождем воробья. Яр-

зеленый брючный костюм подчеркивал фигуру, которая, к сожалению, была совсем не во вкусе отставного полковника: маленький рост и неопределенность форм никогда не привлекали его. На груди незнакомки красовалось ожерелье из крупных камней, каких – Вирсавий Легонтович не мог сказать, да и не хотел.

Ему хватило пяти секунд, чтобы решить, стоит ли разделять бремя и так непростой жизни с объявившейся на его пороге особой. Вкус Вирсавия Легонтовича не отличался оригинальностью. Ему нравились стройные молодые женщины, миловидные лица которых таили в себе некую изюминку изысканности и несли налет аристократизма. Обычно, ищущий глаз отставного полковника мгновенно выхватывал их легкую, грациозную походку, вкупе с окружающим ореолом таинственности, заставляя его замереть, затаив дыхание. Его взор жадно ловил каждое движение понравившейся дамы, он останавливался и долгим взглядом провожал виновницу своих душевных потрясений, затем, глубоко вздохнув, продолжал свой жизненный путь.

Изобразив на лице неподдельный интерес и окинув взглядом номер, новая пансионерка без умолку зачирикала, вскидывая голову после каждой произнесенной фразы и ежеминутно поправляя очки, казавшиеся огромными на худеньком остроносом личике.

– Ой, так мы соседи! Какая прелесть! Не ожидала, не ожидала. Меня зовут Зося. Вижу, вы завтракаете, не буду вам мешать. У вас, конечно, уютно, но не хватает солнца. Мой номер выходит окнами на противоположную, солнечную сторону. Всегда там останавливаюсь, – она кокетливо обмахнула рукой свою взъерошенную головку. – Так, как вас зовут?

– Вирсавий... Вирсавий Легонтович.

Произнося свое имя и отчество, Вирсавий Легонтович всегда обращал внимание на реакцию собеседника. В большинстве случаев эта реакция выражалась в виде удивления и восклицаний типа: «Как необычно!» или «Как красиво звучит!», что льстило самолюбию отставного полковника.

Зося не оказалась исключением из правил. Она даже пошла дальше:

– Прошу прощения, повторите, как?

Он повторил.

– Какое благозвучие и напевность! Никогда в жизни не слышала ничего подобного. У вас, наверное, интересная родословная?

Но Вирсавий Легонтович проигнорировал ее вопрос.

– Постойте, Зося... уж не та ли вы Зося Синицкая из «Золотого тельца», что у Ильфа и Петрова? – лукавый огонек мелькнул в его глазах.

– Не-ет. Я – Зося, но из другого романа. А, вы, как я погляжу, тоже не Остап Ибрагимыч? А, вообще, я вам могу кое-что рассказать про свою родословную... Она у меня интересная...

Ответом ей было деликатное покашливание Вирсавия Легонтовича, оставшееся не замеченным.

– Но об этом позже. А сейчас я с дороги, и хочется пойти искупаться. Вы давно уже отдыхаете?

– Не очень давно...

– Ну, по вам видно. Вы совсем не загорели. А я обожаю солнечные ванны... лежишь, нежишься на солнышке, а потом так приятно освежиться в озере.

Зося старалась делать вид, что она интересуется исключительно номером незнакомца, но ее взор жадно тянулся к этому солидному мужчине. Поначалу, в ранней молодости, она, как и все ее сверстницы, скромно ждала своего принца. Но ожидание затягивалось, и, постепенно Зося снижала планку требований к избраннику, доводя ее к настоящему моменту до «приличного мужчины», пусть даже и старше ее, но занимающего прочную социальную нишу (не слесаря и не дворника, конечно) и не сильно обремененного предыдущими брачными отношениями. Такие представители мужского пола иногда пересекали ее жизненный путь, но, увы, пока ни один из них не выказал рвения создать прочный союз с ней. Самое большее, что к своей

досаде получала Зося – это мимолетный роман, который почти сразу, как говорила ее мама, перетекал во взрослые отношения, после чего новоявленный кандидат исчезал из ее поля зрения.

И вот теперь, перед ней предстал очередной видный мужчина, и Зося впала в некую экзальтацию: ее прорвало на поток красноречия, а душа жадно ловила ответные флюиды.

– Вы еще не ходили за территорию пансионата?

Вирсавий Легонтович не успевал следить за льющимся словесным потоком и потому не нашелся сразу, что ответить.

– Не отвечайте, вижу, я угадала. Тут немного скучновато, но можно сходить на танцы. Неподалеку есть санаторий, где часто проводятся вечера отдыха, – и она снова кокетливым жестом поправила прическу. – Надеюсь, мы не заскушаем. И потом, тут лес. Такая красотища! Говорят, в этом году очень много ягод. И грибы уже пошли. Ой, да тут ко всему можно приложить руки!

Вирсавий Легонтович не нашелся сразу, как отреагировать на фразу про руки, но впоследствии он уже понял, что местом для его рук может быть только рот Зоси. Дама между тем продолжала разгонять по углам остатки тишины и утренней сонливости номера:

– Главное, было бы с кем развеять скуку. Я сама тут проскучала прошлый сезон, когда три дня жила в полном одиночестве. Обошла все тропы и противоположный берег озера. Кстати, вы не хотите сейчас прогуляться?

Вирсавий Легонтович ответил, что желает побыть в своем номере в одиночестве.

В обед они встретились в кафе. В сарафане ядовито-желтого цвета Зося вызывала ассоциацию с канарейкой. При виде Вирсавия Легонтовича на ее лице заиграла восторженная улыбка. «Сейчас споет», – не без сарказма отметил про себя Вирсавий Легонтович и поморщился.

– Можно разделить ваше уединение?

Ответом ей был молчаливый равнодушный кивок отставного полковника.

– А я уже искупалась. Вода – прелесть! Вы когда купаетесь?

Неопределенное мычание Вирсавия Легонтовича, поглощенного прожевыванием пищи, послужило ей ответом.

– Ешьте, ешьте. А я проголодалась, ужас как! Вода отнимает столько энергии! Вот, казалось бы, наелась в завтрак, пришла на пляж, там провалялась часок-другой. Но стоило пойти и поплавать минут двадцать, не более, так есть захотелось, слона бы съела!

Зося успешно распределяла свое внимание между поглощением пищи и непрерывным монологом.

– Кстати, – она прокашлялась, так как резко поменяла течение мыслей, не успев проглотить очередную порцию еды. – Кстати, я вам говорила, что интересуюсь родословной. Так вот, я проследила свое генеалогическое древо до шестого колена и выяснила, что я, – тут она сделала паузу, ожидая заинтересованности во взгляде ее слушателя. Но слушатель позвал Анечку и попросил рюмку коньяка, чем несколько охладил воодушевление Зоси.

– Давайте и мне тоже. Что у вас есть из красненького?

– Вот меню. Выбирайте, – Анечка положила перед Зосей меню и удалилась.

– Фи, прямо так высокомерно! – негромко заметила Зося, пробежала глазами меню и сделала заказ.

Они выпили.

– Так вот. Я – что ни на есть самая настоящая графиня.

Она сделала, как ей казалось, эффектную паузу и загадочно посмотрела на Вирсавия Легонтовича.

– А я – князь, – с оттенком иронии, оглянувшись по сторонам, прошептал Вирсавий Легонтович, понимая, что сыт новой пансионеркой по горло.

– Вы шутите? Нет, но у меня есть документы. Моя прабабка была из родовитой дворянской семьи. Правда, она сбежала с подпоручиком и тайно обвенчалась. Родители лишили ее наследства и отказались признать их брак. Во время революции они перешли на сторону красных, и это их спасло, правда, ненадолго. Начались репрессии, ее муж был арестован и пропал в лагерях, а ее с семьей сослали на Урал. Вот так я и оказалась здесь, а должна была жить в родовом поместье где-то под Тулой.

Зося разгорячилась, глаза ее блестели от чрезмерного возбуждения. Она заказала еще рюмку вина.

– Вам не много будет? – Вирсавий Легонтович расправился с обедом и откровенно позевывал.

– Нет. Если вас не затруднит, то я бы хотела послушать историю вашей родословной.

– Сейчас затруднит.

Он встал и направился к выходу.

...Пусть, грубо, но достало уже!..

Вирсавий Легонтович не обманывал Зосю: его дальний предок действительно был княжеского рода, что подтверждали документы, которые отставной полковник добыл с большим трудом. Он бы с удовольствием поведал свою историю, но только не Зосе.

После этого примечательного обеда, незаметно для самого себя, Вирсавий Легонтович почувствовал, что его, угасший было интерес к жизни, возродился. Появилась жизненная потребность играть в прятки с пансионеркой из номера напротив. Так, перед ужином он зараннее покинул пансионат и прогуливался по лесу, краем глаза наблюдая за входом в кафе. И только дождавшись ухода Зоси, он отправился на ужин.

Коротая вечер, Вирсавий Легонтович медленно побрел к озеру. Приятная расслабленность и сонливость завладели им. Ничего не хотелось делать, просто лениво побродить около воды.

На понтоне он повстречал Алевтину Николаевну.

– Я выкраиваю время постоять вечером, полюбоваться закатом. Правда, красиво тут! Вы первый раз на Южном Урале?

– Нет. Прошлым летом я ездил еще южнее, в сторону Башкирии. Там тоже есть живописные горы и озера.

– А зимой еще – и горнолыжные трассы. А на Лесном озере впервые?

– Да, впервые.

– Здесь есть что посмотреть. Прямо за территорией пансионата начинается красивая, старая, липовая роща. Обязательно посмотрите... А что скучаете в одиночестве, Вирсавий Легонтович? Почему бы вам не поскучать вместе с Зосей?

Услышав про Зосю, Вирсавий Легонтович как бы проснулся от разморившей его лени, промокнул платком увлажнившийся от пота лоб и, отвесив уважительный поклон Алевтине Николаевне, направился по тропинке вглубь леса.

Мысли в его голове встрепенулись, что не замедлило найти свое отражение в телесных движениях. Он часто заморгал, несколько раз прерывисто вздохнул, помотал головой, и напоследок отмахнулся рукой от как бы невидимого собеседника.

...Кого, кого, но вот Зосю мне точно не надо!..

Лесными тропами миновав пространство перед пансионатом, он снова очутился на понтоне. Солнце почти скрылось за верхушками сосен на противоположном берегу. Постоял в одиночестве, вслушиваясь в размеренный шепот волн, накатывающих на берег. На обратном пути он издали услышал голос Зоси и, скрываясь за деревьями, осторожно приблизился к пансионату. Алевтина Николаевна и Зося были увлечены беседой на террасе, и Вирсавий Легонтович не решился присоединиться к ним.

– Хорошо, что у вас ничего не изменилось за год! – Зося не скрывала своего восторга. – Это здорово, очутиться в таком диком уголке! Никакие санатории, базы отдыха не сравнятся с вашим пансионатом! Вы же помните, что я работаю учителем музыки. Так вот, у нас в школе проводился конкурс учительского мастерства... Ну, там надо было показать свой творческий подход к ведению уроков, оформить класс. Так знаете, что я придумала?

Глаза Зоси горели от желания поделиться своими успехами с Алевтиной Николаевной.

– Я собрала ребят и всем дала задания: «Ты, Петя, рисуешь на ватмане сосны, ты, Сережа, и ты, Маша, рисуете озеро». В общем, Алевтина Николаевна, вы не поверите...

Хотя, Алевтине Николаевне было совсем не важно – верить Зосе или нет. Ей хотелось просто посидеть и насладиться прохладой вечера.

– ... в итоге, оформили класс в виде уголка Уральской природы, Никому ведь не объяснишь, что у тебя в душе. А я как зайду в класс, так песня льется из сердца. И как мы пели с ребятами! Так вот, я это к чему... Был конкурс, и мой класс занял второе место в школе. Нас наградили: ребятам подарили игровые приставки, ну а мне предложили льготную путевку в санаторий, жаль, что не на наше Лесное озеро! Но я туда не поехала! Как только вспомнила ваш пансионат, сказала себе: «Зоська, не надо никаких санаториев! Только к Алевтине Николаевне!»

Зося на минуту остановилась.

– Ну, а как вы живете? Все там же?

– Да, Зося, зимой я у себя... в маленьком городке в семи километрах отсюда. А летом душа рвется сюда...

– Ой, как вы точно сказали – душа рвется! В этот раз я хочу сходить в сторону озера Дальнего. Я поняла, нужно идти мимо озера Карагач?

– Да, вдоль озера идет тропинка...

Алевтина Николаевна не успевала закончить фразу, как Зося моментально выплескивала новый словесный поток:

– Дорогая Алевтина Николаевна, все хочу вас спросить: кто этот новый отдыхающий?

– Вирсавий Легонтович, он...

– А имя-то, какое – Вирсавий! Я такого никогда не слышала. Ой, извините, так кто он? Он впервые у вас?

– Да, впервые. Насколько я знаю, он – полковник в отставке, хорошо обеспечен – у него есть свой бизнес. Кстати, сейчас – в поисках дамы сердца.

– Да вы что?! Расскажите подробнее...

Но рассказывать подробнее Алевтине Николаевне было нечего, что вызвало еще больший интерес Зоси к отставному полковнику.

– Алевтина Николаевна, милая моя! Вы же знаете все про меня...

За последние три летних сезона Алевтина Николаевна имела неудовольствие подробно ознакомиться с личной жизнью Зоси, поэтому она не нашлась, что ответить и просто устало кивнула.

– ... ничего, кроме школы не вижу. Сейчас так увеличили часовую нагрузку! Столько факультативов добавили! Бедные детишки... Они совсем света белого не видят. А мы с ними крутимся...

И Зося стала подробно описывать внеклассную работу учителя музыки. Алевтина Николаевна уже давно мечтала оказаться в стенах своего уютного домика, где скрипят половицы на кухне... Петрович обещал ведь починить, все никак у него руки не доходят. Надо завтра же сказать ему... хотя, этот скрип половиц... он стал таким родным, что без него уже и не мыслишь вечера... А окошко в комнате смотрит прямо на яблоню. Одна, среди сосен, видимо, давно посажена чьей-то доброй рукой. При сильных порывах ветра ее ветки стучат по стеклу... В конце мая она вся в цвету, и ее ароматливается в окно с пением птиц...

– Ой, я заболталась про себя, а вы-то как здесь управляетесь? Нынче, смотрю, у вас не много работы, – голос Зоси вернул Алевтину Николаевну из задумчивости.

– Да, нет, работы хватает. До вас жила компания молодежи. Пьянки по ночам, громкая музыка. Отдыхающие ночью приходили и будили меня, просили их уговорить. Ходила, ругалась с ними! Тяжело мне так бегать по ночам...

Алевтина Николаевна воспользовалась моментом, когда нить беседы вдруг оказалась в ее руках:

– Да, и за день устаешь... Я, пожалуй, пойду, Зосенька.

– Алевтина Николаевна, милая вы наша! Да с нами вы хоть отдохнете, мы ведь совсем незаметные. Вот я все смотрю весь день, где этот неуловимый Вирсавий... отчество забыла...

Но Алевтина Николаевна уже устало направлялась к своему домику, и слова Зоси долетали до нее все тише и тише...

Так миновал еще один день в жизни отдыхающих. Его сменила ночь, принесшая совсем небольшое облегчение от жары. Утро открыло новую страницу в жизни Вирсавия Легонтовича. Начиналось оно ничем не примечательно: кофе, чтение, завтрак совместно с игрой в прятки от Зоси. После завтрака Вирсавий Легонтович, как можно незаметнее, покинул номер и направился за ворота пансионата. Петрович что-то буркнул ему в напутствие, и отставной полковник пару часов наслаждался прохладой тенистой липовой рощи, пока жара не вступила в свои права.

Завершив свой моцион, Вирсавий Легонтович неспешно подходил к террасе пансионата, когда его словно кипятком ошпарили. Некая молодая особа с большой дорожной сумкой выпорхнула из такси и, с трудом неся свою ношу, подошла к террасе. Ноги Вирсавия Легонтовича двигались сами по себе, он их не чувствовал. Все его внимание сосредоточилось на новой отдыхающей – довольно высокой, стройной брюнетке, джинсы, легкая кофточка и босоножки которой так деликатно очерчивали все формы.

– Ах! – причмокнул Вирсавий Легонтович и поцеловал кончики пальцев. Сердце его учащенно забилося, дыхание стало прерывистым, пот увлажнил лицо.

...Какая девушка, какая девушка!..

Он приблизился к незнакомке.

– Позвольте помочь вам. Я тут отдыхающий, – сладкая улыбка заиграла на его пересохших губах. Он облизнулся и продолжил, – позвольте представиться, Вирсавий Легонтович.

– Ксения, – незнакомка чуть смущенно улыбнулась.

Давным-давно, еще в школьные годы, Вирсавий с одноклассниками шутливоставляли девочкам оценки за внешность – от двойки до пятерки. И теперь он, глядя на девушку, уже привычно поставил ей свою оценку. И эта оценка оказалась четверкой... Возможно причиной тому была некоторая придирчивость, избалованность и пресыщенность Вирсавия Легонтовича женской красотой. Считая себя тонким ценителем в этой области, он всегда отмечал несовершенства, с которыми вынужден был мириться, в глубине души мечтая об идеале... Правда, при этом он не подозревал, насколько далек от предела мечтаний женщин был сам.

...Четверка... но какая хорошенькая...

У Вирсавия Легонтовича с годами выработалась улыбка с небольшим прищуром глаз, которая, по его мнению, должна была располагать к нему представительниц нежного пола. И теперь эта улыбка маской нацепилась на лицо отставного полковника. Она растянула его глаза, превратив их в длинные узкие щелочки.

Ксении же улыбка нового знакомого показалась добродушной, но приторно сладкой и наигранной, что сразу вызвало у нее неприязнь. Бросив пару пришедших в голову извинений, она подхватила сумку и быстро поднялась на второй этаж в комнату администрации.

Алевтина Николаевна по-матерински обняла приехавшую девушку:

– Ксюшенька, счастье мое! Как рада тебя видеть! Ой, а ты похудела и бледная какая-то. Я, как только съезжу в ваш загазованный город, так потом весь день голова как чугунная... ну, садись и давай рассказывай как жизнь. Год ведь не виделись. Ты закончила учебу?

– Закончила, но слишком поздно поняла, что быть юристом – не мое призвание. Душа не лежит к этой профессии. Пока устроилась продавцом-консультантом в книжном магазине.

– А как у тебя на личном фронте?

– Без перемен, Алевтина Николаевна. Похоже, мой суженый где-то заблудился...

– Счастье мое, да не грусти. Ты уже побывала замужем и немного разглядела, кто такие мужчины и с чем их едят. Ты – вон какая милашка, еще повстречаешься со своим суженым. Между прочим, у меня тут книжка одна интересная затерялась где-то... погоди-ка, сейчас вспомню... а, вот куда я ее положила, – Алевтина Николаевна достала с верхней полки шкафа потрепанную, довольно толстую книгу в зеленой обложке, на которой красовалась надпись: «Женская энциклопедия». Перелистав ее и, о чем-то задумавшись, она, наконец, отыскала нужную страницу и подала книгу Ксении.

– Вот, почитай, может, и найдешь для себя что-то полезное.

– Спасибо Алевтина Николаевна. Я как размещусь, схожу искупаться, а потом зайду к вам.

– Ну, конечно, заходи на чашечку чая.

Получив ключи от своего любимого номера и, неспешно разобрав сумку, девушка подошла к окну и задумчиво остановила взгляд на шершавых стволах сосен, подступающих совсем близко к пансионату. Просто вытянув из окна руку, можно было прикоснуться к их колючим ветвям, и почему-то это действовало успокаивающе.

Ксения с детства любила лес и, бродя по его тропинкам, с благоговением останавливалась перед мощными старыми деревьями, видя в них символ зрелой мудрости, которой ей так не хватало в жизни. Иногда у нее появлялось ощущение, что, стоя рядом с ними, она сама пускает глубоко в землю свои корни, питая душу и исцеляя тело.

Стук в дверь прервал плавный ход мыслей. На пороге появилась Зося, с которой Ксении пришлось сталкиваться во время прошлогоднего отпуска.

...Прошлым летом Зося вела себя бесцеремонно: во-первых, она сразу предложила пойти прогуляться на соседнее с Лесным озеро, что составляло около трех километров пути. Ксения вежливо отказалась, благоразумно решив не обременять приятную прогулку такой беспокойной собеседницей. Но, когда она уже выходила из пансионата, Зося, очевидно, подкарауливающая девушку у террасы, заявила, что ее не затруднит совместный поход. Ксению ошеломила такая настойчивость. Она развернулась и, сославшись на головную боль, вернулась в свой номер. На следующий день она снова получила прямое предложение о совместной прогулке по окрестностям. Ей ничего не пришло в голову, как довольно холодно ответить, что она сама предупредит Зося о планируемых вояжах. Но Зося не ждала пассивно инициативы со стороны Ксении, она сама настойчиво предлагала свое общество. Не осталась исключением и душевая пансионата. Это была не просто душевая в обычном понимании – с кафельным полом и стенами. Душевая пансионата была устроена наподобие бани: она состояла из нескольких комнат, отделанных деревом. Здесь была даже чайная комната с большим, сколоченным из сосновых досок, столом и такими же деревянными, но очень удобными стульями. Для Ксении особым удовольствием было посидеть здесь после душа и, вдыхая аромат распаренного дерева, неторопливо насладиться чашечкой густого травяного чая с купленными в Заозерске пряниками. И, естественно, такое времяпрепровождение, в понимании девушки, подразумевало пребывание в одиночестве. Но у Зоси было свое мнение на этот счет. Душевая имела две кабинки. Ксения оплатила час посещения и, получив ключи, уже собиралась закрыть входную дверь, когда почувствовала, что кто-то тянет дверь с обратной стороны. Зося рывком распахнула дверь: «Давайте вместе примем душ. Услышала, как вы попросили ключи от душевой у Алев-

тины Николаевны. Быстро собралась, насилу успела». «Я оплатила часовое посещение душевой и хочу побыть одна!» – довольно резко ответила Ксения. Нисколько не смутившись столь холодным «ответным душем», Зося удивилась: «Зачем одна? На двоих душ будет дешевле!» Ксения резко дернула дверь и закрыла щеколду...

– О, мы опять соседи, а я остановилась в номере прямо за стеной от вас. Вы только с дороги? Жарища ужасная, но здесь – такой рай! Озеро спасает. Я как раз с озера. Купание приятно освежает, вода чистая, все дно как на ладони. Тут сейчас на удивление мало жильцов: вы, я, да еще один интересный мужчина. Так хочется пообщаться, а он неразговорчивый, сам себе на уме. А я вижу знакомое лицо. Ну, думаю, хоть с вами пообщаемся, а то со скуки можно помереть!

Речь Зоси лилась, как ни в чем не бывало. Как будто она не помнила прошлогодние казусы в общении с Ксенией. Ксения подошла вплотную к Зосе.

– Рада вас видеть, но прошу меня извинить, общаться я не хочу! – с этими словами, Ксения хлопнула дверь перед носом Зоси. Немного успокоившись, она задумчиво провела рукой по стенам, вздохнула. Душа девушки была переполнена теплыми чувствами от встречи с любимым номером.

Облачившись в легкую майку и шорты, прихватив пляжную сумку, она вышла в коридор, где натолкнулась на Вирсавия Легонтовича. Что касается последнего, то про него нельзя было сказать, что он столкнулся с Ксенией случайно. Вслед за приехавшей девушкой он поднялся в свой номер, втягивая носом еле уловимый аромат ее духов...

Когда хлопнула дверь соседнего номера, и послышался звук закрываемого замка, Вирсавий Легонтович, движимый какой-то неземной силой, оказался в коридоре. При виде вышедшей ему навстречу Ксении, сердце отставного полковника сделало резкий толчок и стремительно забилося, дыхание не замедлило повторить сердечные кульбиты.

– Разрешите пригласить вас на прогулку, – начал он с первых пришедших в голову фраз. – Погода-то, погода какая великолепная! А то все дожди да дожди, просто сил нет...

Ксения не была готова к такому неожиданному повороту событий. В голову сами собой пришли спасительные фразы:

– А... э... извините, но я предпочитаю побыть в одиночестве. Я приехала сюда, чтобы... побыть одной...

Вирсавий Легонтович застыл в нерешительности и не нашелся, что быстро ответить, а Ксения уже спускалась по ступенькам лестницы на террасу.

...Странный тип. Глаза выпучены и взгляд какой-то ненормальный. Ему бы роль графа Дракулы играть, фильм, несомненно, имел бы успех!..

Выйдя из пансионата, Ксения оказалась под палящим солнцем. Она не разделяла энтузиазма Вирсавия Легонтовича по поводу погоды. Ей по душе пришелся бы теплый облачный день с ветерком, нежно овевающим лицо, но в такую жару, когда даже дышать тяжело и солнце нещадно палит, все силы организма падают до нуля.

Она поспешила углубиться в лес, и привычная тенистая тропинка привела ее к озеру. Быстро раздевшись, Ксения погрузилась в воду. Нега наполнила все клеточки тела, и приятная свежесть окутала с головы до ног. Перевернувшись на спину, девушка закрыла глаза. Казалось, течение времени замедлилось, и безмолвная невыразимая тишина опустилась над миром. Легкий плеск волн у берега приятно убаюкивал. Дыхание выровнялось, и все ощущения мира растаяли как во сне. И только легкое покачивание тела на волнах оставалось той тонкой ниточкой, благодаря которой Ксения еще осознавала свою принадлежность к реальности. Она редко испытывала подобные ощущения. Ей хотелось лежать так часами...

Нельзя было сказать, что Вирсавий Легонтович испытывал нечто подобное, находясь в эти минуты на скамеечке террасы. Для него оставалось загадкой желание девушки прове-

сти отдых в одиночестве. Или это его неудачное появление на сцене вызвало такую ответную реплику? Кто знает? Он до сих пор ощущал аромат ее духов, и в его взбудораженном, растревоженном сердце жило только одно чувство – сиюминутная тоска по недоступной уже ему поре молодости. Он подсознательно чувствовал, что в этой девушке была какая-то непорочность, чистота. И некий поэтический восторг охватил его душу...

Где-то совсем близко послышались шаги. Открыв глаза, Вирсавий Легонтович увидел Зося, спускающуюся на террасу игривой походкой.

– Я пойду с вами. Слышала, как вы приглашали эту новенькую. Помню ее с прошлого года. Ужасно невоспитанная девица. Сколько раз предлагала ей сходить вместе в лес за грибами или в Заозерск прогуляться, так она все отнекивалась, а под конец, так вообще грубить стала.

– Послушайте, Зося, а в «Кабачке 13 стульев» вы случайно не бывали? – слабая ирония промелькнула в глазах Вирсавия Легонтовича.

– Нет. Меня приглашали, но я отказалась! – она кокетливо надула губки. – Но, вы – другое дело. Я могу рассмотреть это предложение.

Вирсавий Легонтович почувствовал, как волна раздражения накрывает его. Он не смог ее подавить и взорвался:

– Не стройте иллюзий, женщина! Я бы пригласил пани Зося, а не вас! Помните старое советское телевидение? Мы же с вами – сверстники!

– Мне только слегка за тридцать, – Зося жеманно повела плечами и водрузила на место вечно убегающие на край носа очки.

Вирсавий Легонтович ощущал, как неприязнь к этой даме продолжает нарастать. Ему захотелось еще больше нагрубить ей.

– Сказать по-правде, я бы дал вам все пятьдесят!

Он резко поднялся и зашагал прочь. От неожиданной обиды на глазах Зоси выступили слезы.

...Увы, похоже, опять не везет. Как жаль, какой подходящий вариант!..

Глубоко вздохнув, Зося побрела по лесной тропинке.

...Но, еще, как говорится, не вечер. Отпуск только в самом начале. Глядишь, он и изменит свое отношение. Подождем...

И она пошла бодрым уверенным шагом.

Сторож Петрович продолжал приглядываться к Вирсавию Легонтовичу. Его предчувствие подсказывало, что с этим пансионером можно скрасить монотонность будней. Был вечер, когда Петрович из своего вагончика заметил Вирсавия Легонтовича по-деловому шагающего к специально выделенной мангальной зоне. Интуиция Петровича изо всех сил сигналила – горит зеленый свет!

– Ты где, Васька, иди ко мне, я те пузо почухаю...

Васька понял, что у хозяина хорошее настроение и не заставил себя упрашивать.

Выгрузив увесистый мешок с углем и кастрюлю с замаринованным мясом, Вирсавий Легонтович удобно разместился за столиком. Еще даже не начинало смеркаться, и Петрович внимательно прослеживал все приготовления отставного полковника, выставив скуластое щетинистое лицо в полуоткрытое окно вагончика.

– Ух, ты, шелудивый кот...

Услышав эти слова, Васька зажмурился, заперебирал лапами и громко заурчал.

Петрович опять бросил взгляд в сторону мангальной зоны. Легкий дымок слегка маячил среди сосен. Пора было идти на подмогу.

– Ну, Василий, айда поможем, авось и нас Родина не забудет!

С особым приятным предвкушением и соответствующим случаю эмоциональным настроением Вирсавий Легонтович приступал к растопке дров в мангале.

Сначала он почувствовал как кто-то небольшой и мягкий трется о его ноги – то были первые признаки надвигающегося на мангальную зону Петровича. Вирсавий Легонтович даже не утруждал себя поворотом головы.

– Дай, думаю, заверну на огонек, дык а вдруг шпийен! – пробурчал хриплый голос Петровича за его спиной. – Ну, че ты? Щепы надо больше класть, щепы, а то так долго не раско-чегаришь. Вон тут у меня в запашнике есть щепы-то, оно мигом займется.

И Петрович по-деловому куда-то отправился. Вернулся, подбросил щепы. Вирсавий Легонтович распорол мешок с углем и частично высыпал его содержимое в мангал. Петрович активно принимал участие, размешивал угли, обмахивал их газеткой, раздувая пламя.

Угли хорошо взялись, и Вирсавий Легонтович приступил к колдовству с шампурами. Петрович оглядывал окрестности в поисках горячительного напитка, но безрезультатно.

– А ты по какой части будешь?

– Сейчас – пенсионер. Я – отставной военный, полковник в отставке.

– У-у-у, а какой род войск-то был?

– Я – по пожарной части. Руководил отделом по приему вызовов, отправкой и координацией работы пожарных команд.

– Э-э, дык я знаю таких как ты. У миня брат тоже был в пожарных. Он все на нашей каланче сидел, как где загорит, так он орал, шоб ехали тушили... Ты поди так же? Пожары-то хоть тушил?

– Нет, не довелось.

Работа кипела. Петрович умело руководил действиями отставного полковника по пожарной части. Первые шашлыки зарумянились и расточали манящий аромат.

– Слушай, – Петрович доверительно подошел поближе к Вирсавию Легонтовичу, показывая на горло. – Давай немного затушим...

– Нельзя. Сухой закон.

– Начальница не узнает, они седня с этой, в очках, как ее...

– Зосей, – подсказал Вирсавий Легонтович.

– Ну и имя же... ну с этой Зосей – в городе. Николавна собралась уж и к воротам токо подходить, а эта, в очках, как вылетит пулей: «Алевтина Николаевна, а вы куда? А можно я с вами?» Ну, баба-прилипала, чтоб ее... Вижу Николавна не рада, а кудыж ее...

Петрович сплюнул, махнул рукой и продолжил.

– Недавно укатали на маршрутке. А обратная маршрутка ишшо не скоро... Так плесни чуток в стаканок, – и он достал припасенный для подходящего случая пластмассовый стаканчик. – Не обижай старика, у меня нет радости в жизни.

Вирсавий Легонтович посмотрел в жалостливые глаза Петровича, молча достал из пакета бутылку и свой одноразовый стакан.

– Вот это дело. Эт ты хорошо дело поставил, а то иш ты, по сухому-то никак не пойдет. Ну, че, давай за Советскую власть, че ли?

Дело пошло веселее, шашлыки тихонько шипели. Нос у Петровича потихоньку краснел. Сам же он суетливо делил свое внимание между стаканом коньяка и шипящими шашлычными шампурами. Вдыхая полной грудью дым мангала, он отхлебывал глоток-другой коньяка и улыбался, выражая свое удовлетворение жизнью.

– Вот, Советская власть была, говорят, плоха, кудыж ее мать, а ведь жили люди-то лучше. Я вот малограмотный – у меня всего восемь классов, но ты мне объясни, при Советской власти включишь телевизор – там все чинно, поют, говорят красиво, посмотреть было приятно, а щас бывало телек у сеструхи глянешь, поют, как визжат, мордобой один, да секс этот. Почему щас детишек мало нарождается? Все пишут, рождаемость поднять надо, а че ты поднимешь, коли раньше мужики баб в губы целовали и куда следует петуха пихали, а щас – все с ног на голову...

Да ишо всякие там резервативы, тьфу, а болячек всяких только больше стало! Раньше ниче этого не было, здоровее все жили...

Он немного помолчал, закурил и продолжил:

– А рекламы эти... Они людей за идиотов почитают, че ли? Как зубы чистить, стирать, готовить – всему учут, спасибо, хоть ср... не учат, мать их... Я намерднись в город ездил, ну так по надобности, там на домах слова-то русского не найдешь, все тарабарщина на нерусском, эх ма...

На этом месте в монолог Петровича вклинились утробные, протяжные завывания кота Василия.

– Он не отстанет, шельма такой. Ну че, учуял, учуял, – и Петрович вальяжно, по-хозяйски потрепал кота за загривок. – Дать ему надо кусок, а то орать будет, мочи нет.

В результате половина шашлыка была преподнесена в дар коту Василию.

У подвыпившего Петровича на лице появилось выражение торжественного осознания собственной значимости, в глазах заиграли искры бездонного глубокомыслия. Его грудь распирало желание раскрыть вновь прибывшему пансионеру правду жизни.

– Кудыж идем-то, кто-то хоть может сказать, нет? Политики, бизнесмены, рожи – во! – Петрович широко развел руки, – А... то один своровал, то другой – сбежал! Я, помню, давно читал книжку про Петра I, дык он знал, че делал, вел Рассею куды надо, а проворовался, дык башка с плеч, во порядок в стране был! Боярей сек, бороды срубал топором! Так его вся Рассея уважала, от мужичка последнего до боярей высоких.

Вирсавий Легонтович уже не все понимал из того, что ему навязчиво пытался объяснить Петрович.

– Я тогда в городе-то иду, смотрю – надпись ненашенская, ну... я спрашиваю у молодого парня, че это, на че он мне знашь че сказал: «Это – английкий баб». Я его опять: «Че, говорю, там баб дают? Че, наших не хватат, так английких привозют?», на че он мне: «Да это – английкий паб, тута баб нема, тута пивка дают». Чтоб им...

Петрович погрузился в припадок смеха, который постепенно перешел в хрипы от удушья. Вирсавий Легонтович похлопал его по спине.

– Да, не... я не подавился, – отбрыкивался от него Петрович. – Эт я смехом захлебываюсь, когда выпью, мне ржать нельзя. Слушай, давай че грустное скажи, а? А то я не могу перестать ржать...

Вирсавий Легонтович не на шутку испугался припадка удушья у пожилого человека. Он понимал, чем это может закончиться. Необходимо было завершать мероприятие, к чему отставной полковник и незамедлительно приступил:

– Так, все, Петрович. Ты хотел о грустном, так вот – кафе закрывается, и посетителей просят пожаловать на выход.

– Не-е, так мы не договаривались. Эт – не по нашенски, не по-мужски...

Но Вирсавий Легонтович сумел проявить настойчивость, в результате которой Петрович, одаренный горячим шашлыком, вернулся на свой пост, а отставной полковник поднялся в свой номер. Он знал, что Ксения отсутствует и решил подождать ее на террасе. Сменив пропахшую дымом одежду на свежую, Вирсавий Легонтович обильно оросился дорогой туалетной водой, тщательно расчесал свои редкие волосы и спустился на террасу.

Вечер ласковыми объятиями незаметно окутывал лес. От озера повеяло прохладой, жара стала потихоньку отступать. Кузнечики наперебой оглашали окрестности переливчатой стрекотней.

Ксения, отыскав свое любимое место, удобно расположилась с книгой в руках. Возможно, многим такой отдых показался бы скучным и однообразным, но только не ей – именно так она приводила в порядок свои мысли и чувства, возвращаясь к самой себе...

Ослепительный диск заходящего солнца выплыл из-за кромки облака, так что девушке пришлось зажмуриться. Освежающий ветерок подул со стороны озера, сопровождаемый легким шелестом в ветвях сосен. Над головой небо бледнело, а в стороне заката, над кромкой леса у противоположного берега, полыхало яркими, оранжево-золотистыми тонами. Солнце снова спряталось за облако, высвечивая край далеких облаков, по своей форме напоминающих горные вершины, покрытые снегом.

Ксения неотрывно смотрела на грандиозную панораму, разворачивающуюся перед ее взором. Пейзаж постепенно менял свои оттенки, и она едва осознавала, что перед ее взором сменилось несколько величественных картин природы. Краски неба неуловимо менялись – вот они ярко-оранжевые, а теперь уже мягко фиолетовые. У девушки появилось ощущение, будто она находится в волшебном природном чертоге и смотрит на огромный мир сквозь разноцветные линзы. Удивительное спокойствие наполняло уставшую за год душу. Силуэты далеких гор, окутанные голубой дымкой, казалось, парили над лесом на противоположном берегу озера. Вот уже позади остались мгновения заката, и солнечный диск потонул в далеких синюющих горах... Глаза девушки были закрыты, в ее душе появилась тихая радость, словно большой светлый, человеческий мир оставил ее наедине с блаженным миром природы и космоса...

Немного озябнув, Ксения неторопливо пошла к пансионату. Летучие мыши с писком носились между деревьями, заставляя девушку невольно замирать от страха. В прошлом году одна мышь, неизвестно почему путешествующая по земле, налетела на ноги девушки. В темноте перепончато-склизкое существо так напугало Ксению, что возможность новой встречи вызвала у нее инстинктивный ужас. Она быстро побежала к террасе пансионата.

Вирсавий Легонтович, увидев подбежавшую к нему Ксению, мгновенно протрезвел. Куда ушла расслабленность и нега? Сердце замерло в груди, дыхание сбилось. Предательски подступили робость и неуверенность. На ходу импровизируя, он не узнавал своего голоса:

– Как хорошо, не правда ли? Как поживаете, Ваше Одиночество? Не уделите минутку старому холостяку? Прошу присесть, здесь с террасы открывается удивительный вид.

Ксения не смогла отказаться и, нехотя, присоединилась к нему. Близость молодой девушки вызвала такое волнение у Вирсавия Легонтовича, что нить разговора все время пыталась выскользнуть из его рук.

– Я здесь впервые и мне не хватает... эм-м... интересной собеседницы, – он бросил игривый взгляд в сторону Ксении.

– Вы еще не знакомы с Зосей? Я думаю лучшей собеседницы вам здесь не найти.

– Имел удовольствие быть знакомым. Вернее, меня насильно вовлекли в знакомство, которого я не желал.

Он многозначительным долгим взглядом посмотрел на Ксению, затем, откашлявшись, решился спросить:

– А вы, Ксения, всегда отдыхаете в одиночестве?

– Да, вы знаете, моя работа связана с людьми, и за год я очень устаю от общения.

– Простите, а где вы работаете?

– В книжном магазине, продавцом-консультантом.

– О-о, – протянул отставной полковник. – Хорошо звучит.

Он немного помолчал.

– Но, Ксюшенька... – вновь заговорил Вирсавий Легонтович вкрадчивым голосом. Ксения метнула на него быстрый вопросительный взгляд.

– Общение общению – рознь, – продолжал он. – Я вижу, вы – интересная девушка и, общаясь, мы могли бы взаимно обогатить друг друга...

В глазах Ксении образ Вирсавия Легонтовича перекрывался лесом и пролетающими летучими мышами. Она старалась не поддерживать разговор, чтобы не развязать окончательно

язык своего собеседника. Ей захотелось уйти. Вирсавий Легонтович почувствовал настроение девушки и быстро заговорил:

– Вы знаете, я совсем недавно узнал об одном интересном и немаловажном обстоятельстве...

Он сделал многозначительную паузу, затем продолжил:

– Изучая свое генеалогическое древо, я узнал, что являюсь отпрыском потомственных русских князей.

Последняя реплика Вирсавия Легонтовича удивила Ксению. Она бросила на него неоднзначный взгляд, который говорил, что княжеского в его облике практически ничего не осталось.

– Нет, нет, послушайте! Я действительно князь. Не улыбайтесь иронично, я вижу, что вызываю только улыбку на вашем лице. Я отправил запрос в Гербовую палату, и выяснилось, что мой далекий предок прибыл в Россию с армией Наполеона. Его звали Легонт. Не знаю, чем он отличился у Наполеона, но в России ему пришлось очень туго. Он проникся убеждением в захватническом характере войны со стороны Франции и перешел на сторону Кутузова. Причем не просто перешел, а стал, как теперь говорят, разведчиком. Он состоял при штабе маршала Нея, если вам это имя что-либо говорит...

– Очень многое говорит! – съязвила Ксения.

– Я понимаю вашу иронию, вам это все, мягко говоря, не очень интересно, но прошу дослушать. Так вот, мой предок передавал информацию через связника в штаб Кутузова. Пока... пока он не был раскрыт. Был скорый полевой суд, скорый приговор, вполне законмерный в духе военного времени – расстрел. Приговор тут же привели в исполнение.

Тягостное молчание повисло в воздухе. Ксения подождала, потом спросила:

– И что, он погиб?

– Нет, – Вирсавий Легонтович разразился громким смехом. – Он выжил. Две пули застряли в его офицерских знаках отличия. Ночью он очнулся и сумел доползти до ближайшей деревни, где его подобрала добросердечная крестьянка, выходила, ну а он... он, как истинный француз, имел неосторожную связь с ее миловидной дочкой, от которой и пошел наш род. Император Александр I одарил его дворянским титулом, соответствующим княжескому по тогдашней дворянской иерархии. Так бы и жили мои предки, поживали в своем имении, если бы не революция семнадцатого года. Все смела, все перевернула. От большого княжеского рода теперь остался только я... Пытаюсь его возродить.

Вирсавий Легонтович замолчал и многозначительно посмотрел на Ксению.

– Я очень рада за вас и желаю вам успеха.

– Мне не хватает нежного женского присутствия, чтобы скрасить мое бытие. И я был бы очень рад, если бы вы...

– Извините, уже поздно и мне нужно идти, – Ксения поднялась. Вирсавий Легонтович замолчал и как-то сразу сник.

Ксения уже поднималась по лестнице на второй этаж, когда услышала:

– Вы, Ксения, может быть, знаете, проводятся ли тут поблизости танцевальные вечера? – голос Вирсавия Легонтовича заметно дрожал. Было видно, что он волнуется.

– Недалеко отсюда есть санаторий «Голубая волна». Там, насколько мне известно, проводятся вечера отдыха, но я в них не нуждаюсь, – и девушка быстро поднялась по лестнице в свой номер.

Вирсавий Легонтович ощущал сильное волнение, неизменно возникающее у него при общении с понравившейся женщиной. Ему хотелось успокоиться, расслабиться, и он решил еще немного посидеть на террасе, но услышав звук подъезжающей маршрутки, встрепенулся и пошел по тропинке, ведущей к озеру.

Пожелав Зосе спокойной ночи, Алевтина Николаевна не спеша направилась к своему домику. Тропинка вилась среди сосен, и, уже подходя к двери, она вдруг увидела силуэт мужчины. Вирсавий Легонтович шагнул ей навстречу из-за деревьев.

– Фу, как вы меня напугали! Что же вы, батенька, словно тень отца Гамлета, прячетесь ночью по лесам, скучаете в одиночестве? Пригласили бы Зосю, прогулялись бы куда-нибудь.

– Извините меня, Алевтина Николаевна, не могу себя пересилить... не мое...

– Ну, давайте вместе походим-поскучаем...

Вечер располагал к разговору, тем более идти в свой домик Алевтине Николаевне совсем не хотелось. Лес засыпал, живительная прохлада нежила и убаюкивала сомлевшие от дневной жары души.

– Чем вам Зося не приглянулась? Мы с ней говорили о вас, уж извините, такая вы персона, что женщины не могут не посекретничать на ваш счет. Она очень даже желает познакомиться с вами поближе. Одинокая женщина, моложе вас. Работает в школе, учит детишек начальных классов музыке и пению. Она у нас не первый год останавливается, и я слышала, как она замечательно поет! Без детей и, полагаю, без особого темного прошлого. Что вам еще надо? Познакомьтесь, пообщайтесь. Сразу ничего не делается, всему нужно время.

– Скажу вам откровенно – она не нравится мне как женщина.

– А вам, батенька, кто нужен? Фотомодель? Так я думаю, она на вас и не посмотрит.

– Тут есть дама, которая мне очень даже приглянулась...

Алевтина Николаевна остановилась и взглянула на Вирсавия Легонтовича.

– Вы говорите о Ксении?

– Да.

Алевтина Николаевна была удивлена, она не ожидала такого поворота событий.

– — Ну, вы даете, голубчик мой! Так ведь вы уж в дедушки ей годитесь, да и грехами, поди, поросли как замшелый пень мхом. Ксения – совсем молоденькая девушка. Хотя, обождите... она мне говорила, ей уже где-то под тридцать.

– Да вы что! Я полагал, что она моложе!..

– Нет, просто очень молодо выглядит. Уже успела побывать замужем.

– Что вы!

– По-молодости выскочила, не подумав.

– А дети у нее есть?

– Нет. Сейчас живет одна, снимает квартиру, да еще помогает родителям.

Вирсавий Легонтович жадно впитывал получаемую информацию. В его голове рождались самые радужные планы:

– У меня к вам небольшая просьба, Алевтина Николаевна, – на лбу отставного полковника выступили капли пота. – Раз уж вы сами напросились ко мне в свахи, не замолвите ли за меня словечко Ксении. Я – бывший военный, в отставке, у меня хорошая пенсия, есть свой бизнес. Живу в коттедже на окраине маленького городка. У нас очень красивые места. Вы ей намекните, мол, одинокий небедный мужчина, надежный, основательный, предлагает серьезно присмотреться к нему...

Алевтина Николаевна только покачала в ответ головой. Перед ее взором мысленно предстала Ксения.

...Одинокая девушка с трудной судьбой, правда, намного моложе, но если они действительно присмотрятся друг к другу. Немедленного ответа никто не требует...

– Вижу, голубчик, зацепила вас Ксюшка основательно. Хорошо, я поговорю с ней, но, сами понимаете, обещать ничего не могу.

– Понимаю, если все получится, отблагодарю вас.

Ксения проснулась от громких разговоров в коридоре.

...Опять Алевтина Николаевна отчитывает горничную. Время восемь утра, уже не уснешь, придется вставать...

Девушка лениво потянулась.

...Все было бы хорошо, если бы рано не будили...

Завтракать не хотелось. Она заварила чай в щербатом старом чайнике, одолженном у Алевтины Николаевны. На его выпуклом фаянсовом боку красовался смешной утенок.

Ксения улыбнулась ему:

– Привет! Вот мы и снова встретились.

Она распахнула окно, и легкий ветерок, качнув занавески, принес с собой бодрящий аромат соснового леса.

Очередной длинный, жаркий день Ксения провела в полном одиночестве, бродя по берегу озера и подставляя ноги легким набегающим волнам. Кристально-прозрачная вода играла бликами и тенями на песочном дне. Девушка подбирала камни и внимательно вглядывалась в них. Они виделись ей неведомыми существами, манили и притягивали таинственным миром прошлого.

Перед ужином в коридоре ее встретила Алевтина Николаевна:

– Ксюшенька, счастье мое, загляни ко мне. Ну, как тебе отдыхается, солнышко?

– Спасибо, очень хорошо, Алевтина Николаевна, только жду, когда жара спадет...

Вроде бы обещали дожди...

Алевтина Николаевна всплеснула руками:

– Ксюшка, да ты что! Какие дожди! Загорать-то когда будешь? Вон бледная какая...

– Да нельзя мне загорать, Алевтина Николаевна! У меня аллергия на солнце. Вон, посмотрите, вся в пятнах. Никакой крем не помогает...

Ксения показала красные пятна на руках и шее.

– Бедная ты моя... А я все стеснялась спросить, думала болезнь какая у тебя...

Они помолчали.

– Ксюша, у меня к тебе интересное предложение...

И Алевтина Николаевна поведала свой разговор с Вирсавием Легонтовичем, напоследок добавив:

– Не спеши, подумай. Скажу тебе по секрету – он солидный, обеспеченный мужчина, – положил ко мне в сейф на хранение немало денежек, золотой перстень и я, полагаю, очень даже не дешевые часы. Да, и конь-то у него, какой! Я, конечно, не разбираюсь в марках машин, но выглядит, как дорогой иноходец. Ну, что скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.